

16.

Он выглядел даже немного жалким, его юношеское тело, ещё не до конца сформировавшееся, было худым и хрупким. Когда его переворачивали, можно было увидеть чёткие ключицы и следы от рук на них. Лёжа на боку, он лишь слегка приподнимал одеяло, а его сжатое тело мелко дрожало от рыданий.

Он действительно не выносил этой жестокой, почти убийственной силы, и, сдерживая рыдания, умолял:

— Цзян Чэн! Хватит!...

Цзян Чэн почувствовал жар во всём теле и усилил напор:

— А?

— Цилян... — Гу Шэну было настолько больно, что он почти терял сознание, его бледное лицо покрылось холодным потом, а голос стал настолько тихим, что его едва можно было слышать.

Но эти слова словно резко сжали сердце Цзян Чэна, заставив мужчину содрогнуться и потерять контроль.

Гу Шэн резко дёрнулся всем телом, и на мгновение его лицо стало серым, как у мертвеца.

Цзян Чэн откинул голову и глубоко выдохнул, выйдя из тела молодого человека. Он взял сигарету, закурил и закрыл глаза, вспоминая то странное чувство, которое на мгновение охватило его — смесь невыразимого удовлетворения и необъяснимой горечи. Через некоторое время он повернулся и поправил одеяло на молодом человеке, который, казалось, мёрз.

— Зачем ты так мучаешь себя? — Цзян Чэн рассеянно провёл рукой по коротким волосам Гу Шэна, выглядывавшим из-под одеяла, словно разговаривая сам с собой. — Если бы ты был мягче, улыбался и говорил приятные слова, я бы тебе ни в чём не отказал. Цзиньчжоу — мой, а значит, и твой.

Он замолчал на мгновение, но Гу Шэн не ответил. Цзян Чэн знал, что он не спит. Худощавое тело молодого человека, укутанное в шёлковое одеяло, сделанное на заказ для семьи Цзян, выглядело, как усталое перо, мягко опустившееся на землю.

Цзян Чэн потушил сигарету и наклонился, чтобы обнять его:

— Днём я был в Лиюане. Ты снова взялся за труппу Хунсинь, да? Разве главный акционер Лю не ушёл? Расходы Ду Ханя, должно быть, опустошили твой кошелек — сейчас тебе не хватает денег, да? Я могу вложиться, как ты на это смотришь? Ты останешься главой труппы, я не буду вмешиваться в дела, тебе не нужно будет появляться на публике, просто будешь наблюдать, ладно?

Гу Шэн слегка пошевелился и немного покачал головой.

Цзян Чэн, который уже начал успокаиваться, снова почувствовал, как гнев поднимается в нём. Он просто не мог понять, чего добивается Гу Шэн. Ему не запрещали петь, не запрещали руководить труппой, он уже пошёл на такие уступки, дал ему возможность, так почему Гу Шэн не мог хотя бы немного оценить это?

— Цзян Чэн, — тихо позвал его Гу Шэн.

Цзян Чэн уже собирался пригрозить ему, что заставит подписать бумаги завтра же, но услышав этот голос, весь его гнев угас, и он наклонился ближе, тихо спросив:

— Что?

Гу Шэн лежал к нему спиной и молчал некоторое время, прежде чем снова заговорить:

— Что такое «Синьцзинькоу»?

Этот вопрос едва не взорвал Цзян Чэна:

— Чёрт возьми, я целый день слушаю это в штабе, и теперь дома тоже? Все, что ли, под дурманом японцев?!

Он швырнул пачку сигарет на тумбочку с таким грохотом, что это было больше похоже на звук металла, чем картона. Гу Шэн непроизвольно вздрогнул, и Цзян Чэн, опомнившись, с лёгким раскаянием погладил его по шее.

— Я не... Чёрт, — Цзян Чэн провёл рукой по спине Гу Шэна, — я не хотел тебя пугать, просто... я целыми днями слышу это...

— В газетах ничего не писали, — прервал его Гу Шэн.

— Пф, в газетах такое не напишут, — усмехнулся Цзян Чэн, увидев, что Гу Шэн впервые проявляет хоть какой-то интерес к его делам, и тут же захотел рассказать всё, что знал. — Я давно говорил Минчжану, что с японцами нужно обсуждать только торговлю, а не строительство заводов и добычу ресурсов на территории Цзиньчжоу, но он не слушал! Как только Шэнь Вэньчан умер, эти японские дьяволы ухватились за возможность и начали требовать целый участок к востоку от бывшей американской концессии. Чёрт, я бы никогда на это не согласился! Мы ещё не успели начать переговоры, как вдруг появился этот... оказывается, Шэнь Вэньчан перед тем, как приехать из Гуаньняня, уже подписал секретное соглашение с японским генералом Идой о создании чего-то вроде «Синьцзинькоу — торгового сообщества совместного процветания», что-то вроде экономического контроля и вывода капитала. У меня под носом такое творят... Чёрт, последние три дня я только и делал, что слушал это на переговорах, а через несколько дней снова встречу с Идой Казуюки. Боже, теперь я слышу слова «Синьцзинькоу» и «сообщество процветания» — и меня сразу тошнит.

Он не стеснялся говорить об этом с Гу Шэном, ведь, кроме него, никто не проявлял интереса ни к текущим событиям, ни к нему самому. Да и его трёхдневное раздражение должно было найти выход — не через насилие, а через слова, и он не мог остановиться:

— ...Что бы они ни задумали, ничего хорошего от них ждать не стоит. Почему ты спросил об этом? В последние дни японцы тоже появились в Цзиньчжоу, говорят, остановились где-то за пределами концессии, творят бесчинства... Ты видел их где-то?

— Нет, — коротко ответил Гу Шэн и завернулся в одеяло, словно собираясь спать.

— Ладно, — Цзян Чэн, не обратив на это внимания, зевнул и потянулся к выключателю. — Завтра снова придётся страдать, так что давай спать.

Если бы Цзян Чэн был более внимателен, когда выключал свет, он, возможно, заметил бы что-

то необычное в тот момент, когда тусклый свет ночника погас.

Прозрачные слёзы скатились с бледного, заострённого лица актёра, стекая по его длинной и изящной шее к ключице. Но Гу Шэн в этот момент был с открытыми глазами, и в них, обычно полных нежного блеска, теперь была холодная пустота, словно скрывающая что-то бурное и глубокое.

На рассвете в пригороде Цзиньчжоу было мало прохожих, только изредка машины, приехавшие с юга, проезжали через леса. Свет фар, проникая сквозь туман, мелькал на тяжёлых тёмных шторах поместья, постепенно удаляясь вместе с шумом двигателей.

Гу Шэн тихо закрыл глаза, скрывая пустоту в своих глазах.

Пятнадцатый день одиннадцатого месяца по лунному календарю наступил быстро. Большой театр Миньюэ с начала ноября вывесил огромные плакаты с изображением знаменитостей из Школы оперы Хуася — Гуй Хайшэна и Линь Ланьчжи, а также новообразованного Общества Ляньюнь с Гу Шэном. На всём пути от главной площади до центра концессии люди обсуждали совместное выступление двух трупп, и атмосфера накалялась с приближением пятнадцатого числа. Билеты в Большой театр Миньюэ стали бесценными, и к вечеру пятнадцатого числа люди уже с нетерпением ждали у входа, надеясь увидеть прибытие знаменитых меценатов из Цзянбэя.

Гу Шэн начал свою карьеру поздно, и его известность изначально уступала Гуй Хайшэну, мастеру боевых сцен, и Линь Ланьчжи, ведущей актрисе женских ролей. Эти двое были на одном уровне с Лю Мянью, и по обычным стандартам Гу Шэн явно уступал им в известности.

Однако на этот раз театр напрямую объявил о «совместном выступлении» и «равной конкуренции» между труппами. Во-первых, Школа оперы Хуася позиционировала себя как новая труппа, долгое время соперничавшая с традиционной моделью труппы Хунсинь. После распада Хунсинь, Общество Ляньюнь унаследовало её традиции и не могло позволить себе проиграть. Во-вторых, труппа Хунсинь была замешана в скандале с арестом её руководителя и слухами о шпионаже, что уже подняло её известность выше Школы оперы Хуася. Людям было любопытно узнать, на что способна эта временно созданная труппа.

И в-третьих, Гу Шэн, глава Общества Ляньюнь, уже почти полгода не выступал на сцене.

В Цзиньчжоу, этом «гнезде оперы», актёры со всей страны приходили и уходили сотнями трупп. Талантливых людей было много, но тех, кто мог устоять, было совсем немного.

Многие любители оперы помнили Гу Шэна, и когда услышали, что его якобы силой удерживает второй сын семьи Цзян, они сокрушались, что театр потерял его голос, и без него всё звучало не так. Когда же стало известно, что Гу Шэн создал Общество Ляньюнь, все были в восторге, боясь, что он просто будет номинальным главой. Но в этот день Гу Шэн действительно сел в свой обычный экипаж, и поклонники последовали за ним по улице Хуаань, и их сердца, наконец, успокоились.

(Отсутствуют)